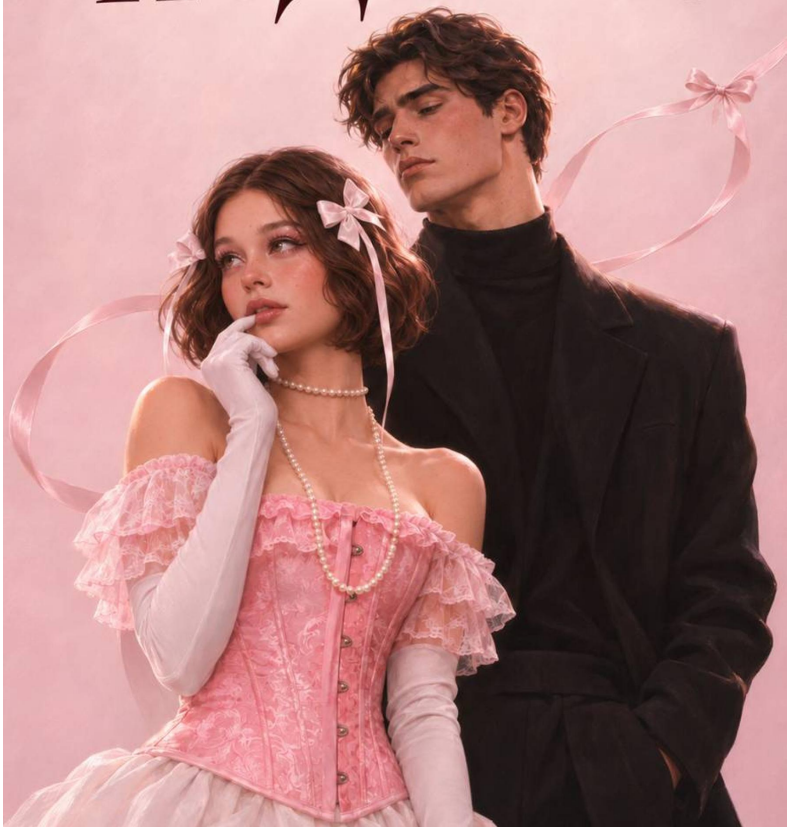
K.E.

ТВОЙ ПОДАРОК

К. Е.
Твой подарок

https://litres.ru/74731878
SelfPub; 2026

Аннотация

Вера возвращается в мастерскую бабушки за несколько недель до Нового года — и находит коробку с тринадцатью свёртками. На каждом имя и загадочная подсказка. Бабушка оставила последнее послание: «Твой подарок — не вещь. Его нужно найти».

Разобраться в зимней почте Вере помогает Кирилл — сын человека, который собирается закрыть мастерскую. Он не любит сюрпризы и не обещает, что сможет её спасти. Но с каждой доставленной посылкой Вера узнаёт о людях вокруг чуть больше — и о Кирилле тоже.

Успеют ли они понять, что значит бабушкина загадка, пока декабрь не закончился? И что делать, если самый важный подарок нельзя просто завернуть в красивую бумагу?

Содержание

Глава 1. Декабрь начинается с коробки 5
Глава 2. Человек, который не любит сюрпризы 11
Глава 3. Чашка на подоконнике 18
Глава 4. Чужая фотография 24
Глава 5. Последний сеанс 30
Глава 6. Письмо без адреса 33
Глава 7. Ярмарка желаний 36
Глава 8. Разговор за закрытой дверью 39
Глава 9. Снег между нами 43
Глава 10. Посылка для Веры 47
Глава 11. Последний автобус 50
Глава 12. Сцена для одного зрителя 53
Глава 13. Круг по льду 56
Глава 14. Ключ от мастерской 58
Глава 15. Бумажный город 61
Конец ознакомительного фрагмента. 63

К. Е.
Твой подарок

Часть первая

Глава 1. Декабрь начинается с коробки

К первому декабря Вера успела поссориться с тремя гирляндами, одним продавцом ёлок и собственным отражением в витрине.

Гирлянда не загоралась. Продавец ёлок клялся, что «пушистая» означает «почти не осыпается», хотя хвоя уже лежала у Вериных ботинок зелёной метелью. А отражение было виновато в том, что на Вере красовалась чужая шерстяная шапка с помпоном, которую она надела с утра, не глядя, и теперь не могла снять: помпон зацепился за серьгу.

— Если я сейчас дёрну, — сказала она своему отражению, — то останусь без уха. А нам оно ещё пригодится.

Из-за стойки донёсся тихий смешок.

В мастерской пахло корицей, картоном и чем-то холодным, будто кто-то принёс с улицы целую охапку снега. На самом деле снег принёс посетитель — высокий парень в длинном чёрном пальто. Он стоял у двери, стряхивая с плеч хлопья, и держал под мышкой плоскую коробку, перевязанную серой бечёвкой.

Вера наконец освободила серьгу и обернулась.

— Мы закрыты, — сказала она. — То есть открыты, но пока только для людей, которые умеют чинить гирлянды.

— Я умею, — ответил парень.

Голос у него был ровный, негромкий. Лицо — такое, словно он заранее знал, что его попросят уйти, и уже смирился. Вера заметила тёмные волосы, серьёзный взгляд и след от снега на ресницах.

— Тогда проходите. Только не обещайте, что почините всё. Здесь есть одна гирлянда, которая ненавидит людей.

Он поставил коробку на стойку и достал из кармана маленькую отвёртку.

— Я пришёл не за этим.

— Жаль. У меня как раз заканчиваются способы уговорить её.

Парень перевернул коробку. На крышке выцвела надпись: «Зимняя почта. Получателю вручить лично». Ниже чьей-то рукой было написано: «Вере. До тридцать первого декабря».

Улыбка исчезла у Веры с лица.

Она узнала почерк. Бабушка писала букву «р» так, будто та торопилась куда-то убежать. Бабушки не стало в феврале, мастерскую закрыли в марте, а Вера с тех пор приезжала сюда только раз — забрать несколько коробок и убедиться, что стены не умеют скучать.

— Откуда это у вас?

— Нашёл в кладовой. Отец собирается освобождать помещение.

— Ваш отец? — Вера подняла глаза.

— Андрей Сергеевич. Он купил соседнее здание. Эта ма-

стерская тоже входит в план реконструкции.

Вот теперь всё встало на место: чёрное пальто, спокойствие человека, который привык сообщать плохие новости, и коробка, которую он принёс не случайно.

— Значит, вы пришли сказать, что бабушкину мастерскую снесут?

— Я пришёл отдать коробку. Остальное вы и так знаете.

— Нет, я ничего не знаю. В последний раз, когда я проверяла, люди сначала разговаривали, а потом уже сносили дома.

Он посмотрел на неё, и на мгновение в его лице мелькнуло что-то похожее на усталость.

— Я Кирилл.

— А я не просила знакомиться.

— Понял.

Он развернулся к двери. Вера хотела остановить его, но слова застряли: не потому, что она передумала, а потому, что коробка дрогнула от сквозняка и внутри что-то негромко звякнуло.

— Подождите.

Кирилл остановился.

Вера развязала бечёвку. Под крышкой лежали тринадцать маленьких свёртков, каждый аккуратно упакован в белую бумагу и перевязан цветной нитью. На каждом — имя и короткая фраза. «Тому, кто давно не пел». «Той, кто перестала ждать». «Для человека, который всегда приходит послед-

ним».

Последний свёрток был без имени. Только записка: «Твой подарок — не вещь. Его нужно найти».

Вера перечитала её дважды.

— Это какая-то бабушкина игра?

— Не знаю. Она оставила коробку в кладовой. Я нашёл её, когда разбирал вещи.

— И почему принесли мне?

— На крышке написано ваше имя.

— Ваша внимательность поразительна.

Кирилл не улыбнулся. Он просто взялся за дверную ручку.

Вера посмотрела на свёртки. Бабушка никогда не делала ничего просто так. Даже когда дарила носки, прятала внутрь конфету и записку с заданием.

— Если я раздам их, вы отложите закрытие мастерской до Нового года?

— Это решает отец.

— А если вы попросите?

— Я не собираюсь просить его.

— Тогда зачем вообще принесли коробку?

Он помолчал. Снаружи по стеклу поползли снежинки, похожие на крошечные письма.

— Потому что она была вашей.

Вера посмотрела на него внимательнее. В его голосе не было ни насмешки, ни равнодушия. Только что-то спрятан-

ное так глубоко, что он, кажется, сам предпочитал о нём не знать.

— Я раздам подарки, — сказала она. — Но если там окажется что-то вроде «позвони бывшему» или «прости того, кто украл твою кружку», я снимаю с себя ответственность.

— Запомню.

— Вы помогаете.

— С чем?

— С доставкой. Я не собираюсь одна бегать по городу с тринадцатью загадками.

— У меня нет времени.

— У вас есть целый декабрь.

— Это не одно и то же.

Вера сложила записки обратно. Кирилл смотрел на коробку так, будто в ней лежало не тринадцать свёртков, а что-то гораздо более тяжёлое.

— Хорошо, — сказал он наконец. — До Нового года. Потом мастерскую закроют.

— Договорились.

— Я не обещал, что отец передумает.

— А я не обещала, что буду с ним вежлива.

На этот раз уголок его рта едва заметно дрогнул.

Когда он ушёл, Вера услышала, как за дверью хрустнул снег. Она закрыла коробку и поставила её на стойку рядом с неработающей гирляндой.

В глубине мастерской щёлкнул выключатель.

Гирлянда вспыхнула всеми огнями сразу — тёплыми, золотыми, как окна в доме, куда давно не возвращался.

Вера посмотрела на дверь.

— Ну конечно, — прошептала она. — Теперь вы решили работать.

Глава 2. Человек, который не любит сюрпризы

На следующий день Вера приехала в мастерскую раньше, чем открылись булочные. Она объяснила это себе тем, что надо разобрать коробки. Не тем, что Кирилл обещал прийти в десять.

Он пришёл в десять ноль семь, с двумя стаканами кофе и выражением лица человека, который хотел бы извиниться, но не собирался давать этому событию слишком много внимания.

— Вы опоздали, — сказала Вера.

— На семь минут.

— Семь минут в декабре — это уже почти январь.

Он протянул ей стакан.

— Это не извинение. Просто я взял два.

— А если я не пью кофе?

— Тогда у меня будет два.

Вера взяла стакан. Крышка была закрыта криво, и на пальцы выплеснулась капля.

— Вы всегда так дарите подарки? С видом, будто передаёте улику?

— Это кофе.

— Пока не знаю. Может, там записка с угрозой.

Кирилл оглядел мастерскую. В дневном свете она казалась меньше. На полках всё ещё стояли пустые коробки с тиснёными снежинками, жестяные банки с пуговицами, рулоны лент и несколько деревянных игрушек, которые бабушка делала сама. На стене висел календарь с прошлым годом. Вера сняла его, но за ним обнаружилась открытка, приколотая к доске: «Не торопись выбрасывать то, что ещё может кому-то пригодиться».

Она узнала бабушкин почерк и вздохнула.

— Она оставляла такие фразы везде. В книгах, в карманах пальто, однажды даже в морозилке.

— Что было в морозилке? — спросил Кирилл.

— Пельмени. И записка «не забывай кормить себя». Я тогда как раз готовилась к экзаменам.

— Пельмени были домашние?

— Конечно.

— Тогда записка была полезной.

— Вы всегда такой серьёзный?

— Обычно да.

— Удобно. Никто не ждёт от вас хорошего настроения.

Он снял пальто и повесил его на спинку стула. Под ним оказалась чёрная водолазка; весь его вид был похож на зимний вечер, который решил пройтись по городу пешком.

Они разложили свёртки на стойке. У каждого получателя была карточка, но адресов не было. Только подсказки.

«Тому, кто давно не пел. Найдёшь его там, где каждую

среду пахнет дрожжами».

«Той, кто перестала ждать. Она всё ещё ставит на окно чашку для двоих».

«Для человека, который всегда приходит последним. Ему оставили место у самого дальнего стола».

Вера постучала ногтем по бумаге.

— Это похоже на квест, который придумала бабушка, чтобы заставить меня гулять.

— Возможно, она знала, что вы не любите гулять без причины.

— А вы откуда знаете, что я не люблю гулять?

— Вы вчера спорили с продавцом ёлок, потому что он поставил их поперёк тротуара.

— Я защищала пешеходов.

— Вы защищали свои ботинки от иголок.

Вера прищурилась.

— Для человека, который не любит сюрпризы, вы слишком внимательно наблюдаете за окружающими.

Он не ответил. Взял карточку про дрожжи.

— Пекарня на площади. Там каждую среду пекут булочки для приюта.

— Значит, туда и начнём. Только сначала найдём коробки для подарков, которые не развалятся по дороге.

Пока Вера искала упаковочную бумагу, Кирилл починил защёлку на старом шкафу и заменил перегоревшую лампу. Он работал быстро, будто привык чинить вещи молча и ухо-

дить до того, как кто-нибудь успеет поблагодарить.

— Вы здесь росли? — спросила она.

— До шестнадцати.

— А потом уехали?

— Да.

— И вернулись, чтобы помочь снести мастерскую.

Он затянул винт и убрал отвёртку.

— Я вернулся, потому что отец попросил.

— Это одно и то же?

— Не всегда.

Ответ прозвучал слишком быстро. Вера не стала продолжать. Ей показалось, что ещё один вопрос — и он снова закроется, как дверь от сквозняка.

До пекарни они дошли пешком. Город уже наряжался к празднику: на фонарях висели звёзды, на площади ставили деревянные домики для ярмарки, у городской ёлки проверяли световые цепи. Вера знала большинство людей в центре по именам и ещё больше — по тому, как они покупали хлеб.

Пекарня встретила их тёплым воздухом и запахом кардамона. За прилавком стояла Марина Павловна, хозяйка, которая каждый декабрь пекла столько булочек, будто ожидала, что в город внезапно приедет весь Северный полюс.

— Вера! — она обняла её, испачкав рукав мукой. — Я думала, ты уехала насовсем.

— Я тоже так думала.

— А это кто?

— Кирилл. Он помогает с бабушкиной зимней почтой.

Марина Павловна посмотрела на него поверх очков.

— Значит, Андреев сын. Вырос. А всё такой же хмурый.

— Я не хмурый, — сказал Кирилл.

— Это ты так думаешь.

Вера едва сдержала улыбку. Их первый получатель оказался не человеком, а самой Мариной Павловной: она когда-то пела в школьном хоре, но бросила после того, как уехала дочь. Подарок был крошечным музыкальным свистком, который бабушка сделала из глины. Внутри коробки лежала записка: «Песня не обязана быть громкой, чтобы её услышали».

Марина Павловна молча провела пальцем по краю свистка.

— Она помнила, — сказала она.

— Что именно? — спросила Вера.

— Что я всегда пела, когда тесто не поднималось. Твоя бабушка заходила по средам, покупала хлеб и говорила, что я фальшивлю на одной ноте. Я думала, она меня дразнит.

— Она дразнила всех, кого любила.

Марина Павловна рассмеялась и вдруг запела. Сначала тихо, почти шёпотом. Потом громче. Пекарня на секунду притихла, а Кирилл смотрел на неё так, словно впервые понял, что тишина тоже может быть выбором.

На обратном пути он шёл рядом, не торопясь.

— Это было хорошо, — сказал он.

— Ты можешь говорить комплименты. Мир не рухнет.

— Я не уверен.

— Попробуй ещё раз.

Он посмотрел на неё.

— Ты сегодня была права.

— Почти комплимент.

— Больше не обещаю.

Они остановились у городской ёлки. На нижних ветках висели бумажные звёзды с желаниями. Вера увидела одну, написанную знакомым почерком, и сердце неприятно сжалось: «Хочу, чтобы мама перестала работать по ночам».

Она не помнила, когда написала это. Наверное, в десять лет. Бабушка сохранила звезду, хотя обещала, что их сожгут после праздника.

Кирилл заметил её взгляд.

— Ты загадала это желание?

— Давно.

— Исполнилось?

— Нет. Но мама теперь сама выбирает смены.

— Значит, немного исполнилось.

Вера подняла на него глаза. Он уже смотрел на площадь, где рабочие развешивали гирлянды. Снег падал ему на волосы и таял.

— Вы удивительно умеете находить хорошие стороны в плохом, — сказала она.

— Это не хорошая сторона. Просто так оно и есть.

Вера подумала, что, возможно, именно это и отличало его от остальных: он не пытался сделать жизнь красивее словами. Он просто оставался рядом, пока она была такой, какая есть.

На следующей карточке было написано: «Той, кто перестала ждать. Она всё ещё ставит на окно чашку для двоих».

— Завтра, — сказал Кирилл. — Сегодня уже поздно.

— Ты боишься, что мы не успеем?

— Я не люблю опаздывать.

— А я не люблю, когда люди делают вид, будто им всё равно.

Он замер, но только на секунду.

— Тогда завтра в девять.

— В девять пятнадцать.

— В девять.

— Девять десять.

— Договорились.

Он ушёл первым. Вера осталась у ёлки и смотрела, как его чёрный силуэт растворяется в белом воздухе. В кармане пальто лежала бумажная звезда из её детства.

Она не знала, почему бабушка сохранила её. Ещё меньше она понимала, почему ей вдруг захотелось рассказать об этом Кириллу.

Глава 3. Чашка на подоконнике

На следующий день Вера пришла в мастерскую в девять восемь. Кирилл уже ждал у двери.

— Ты опоздала.

— На восемь минут. Мы договорились на девять десять.

— Я пришёл раньше.

— Это личный выбор.

Она сунула руки в карманы. Там лежала звезда с ёлки, и её края покалывали пальцы.

Адрес нашёлся не сразу. Подсказка вела к дому на старой улице, где жила Лидия Аркадьевна — бывшая учительница музыки. Вера помнила её по бабушкиным рассказам: женщина каждый год покупала две одинаковые чашки и одну ставила у окна, а вторую — в шкаф. Муж умер давно, дочь жила в другом городе.

— Она не ждёт человека, — сказал Кирилл, когда они остановились у калитки. — Она ждёт, что дочь приедет.

— Ты уверен?

— Нет. Просто понимаю, как выглядит ожидание.

Вера хотела спросить, кого ждал он, но нажала на звонок.

Лидия Аркадьевна открыла не сразу. На ней был тёплый кардиган, а за плечом виднелась ёлка, украшенная деревянными птицами. На подоконнике стояла чашка с синей каймой.

— Вера? — удивилась она. — Ты похожа на Галину, когда сердишься.

— Это семейное проклятие.

— А молодой человек?

— Кирилл. Он… помогает.

— Тогда заходите. В такой снег не разговаривают на пороге.

Вера вручила ей свёрток. Внутри оказалась вторая чашка из пары — та самая, с которой Лидия Аркадьевна пила чай в день знакомства с будущим мужем. Бабушка каким-то образом выкупила её у соседки после того, как чашка разбилась.

Лидия Аркадьевна долго молчала, потом поставила чашки рядом на подоконник.

— Я всё ждала, что дочь приедет к Новому году, — сказала она. — А потом перестала звонить первой. Глупо, правда?

— Не знаю, — ответила Вера. — Иногда люди устают первыми протягивать руку.

— А иногда забывают, что с другой стороны тоже могут ждать.

Кирилл стоял у двери. Вера посмотрела на него, но он отвёл глаза.

Лидия Аркадьевна взяла телефон и позвонила дочери. Она не стала объяснять, почему звонит. Сказала только: «Я нашла вторую чашку». На том конце линии сначала было тихо, потом послышался плач.

Когда они вышли, Вера вдохнула холодный воздух так

глубоко, будто только сейчас вспомнила, что умеет дышать.

— Ты знала, что она позвонит? — спросил Кирилл.

— Нет.

— Но всё равно принесла подарок.

— Бабушка верила, что людям иногда нужен повод начать разговор.

— А если повода недостаточно?

— Тогда можно начать без него.

Он остановился у ворот. На его щеке таял снег.

— Ты так умеешь?

Вера поняла, что вопрос не о чашках.

— Иногда. Если человек не делает вид, что ему не всё равно.

— А если он не умеет это показать?

— Тогда ему придётся учиться.

Кирилл кивнул, но ничего не сказал. Они пошли к площади. У киоска с горячим шоколадом Вера купила два стаканчика и один протянула ему.

— Это не подарок. Просто я взяла два.

— Понял.

— И не делай такое лицо. Это всё ещё кофе… точнее, шоколад. Без записки с угрозой.

Он сделал глоток.

— Слишком сладкий.

— Зато честный.

— Разве сладость бывает нечестной?

— Если обещает, что всё станет хорошо.

Кирилл посмотрел на неё, и в этот раз в его глазах мелькнуло что-то тёплое.

В мастерской они нашли под столом старый альбом. На обложке бабушка написала: «Почта зимних желаний. Не открывать до первого снега». Внутри оказались фотографии: дети с бумажными коронами, взрослые у длинного стола, знакомые лица из разных лет. На каждом снимке бабушка вручала кому-то маленькую коробку.

— Она делала это много лет? — спросил Кирилл.

— Похоже на то.

— И никому не говорила?

— Она говорила всем. Просто никто не слушал до конца.

В конверте, приклеенном к последней странице, лежал список из тринадцати имён. Рядом с некоторыми стояли галочки. Остальные были пустыми. В самом низу бабушка приписала: «Вере — когда она будет готова перестать искать правильный путь».

Вера резко закрыла альбом.

— Она и после смерти умудряется давать мне задания.

— Может быть, это не задание.

— А что?

Кирилл не ответил. Он смотрел на её руку, крепко сжавшую обложку.

— Я не собираюсь оставаться здесь, — сказала Вера. — После праздников уезжаю. Подала документы в художе-

ственную школу в Петербурге.

— Ты хочешь туда?

— Я хочу рисовать. Там есть мастерская, стипендия и шанс, что мои работы будут кому-то нужны.

— Это не ответ.

— А ты всегда задаёшь вопросы, на которые сам не отвечаешь?

— Да.

— Тогда мы с тобой прекрасно сработаемся.

Он почти улыбнулся. Почти.

— Сколько у нас времени до закрытия мастерской? — спросила она.

— Отец подписывает договор после Нового года.

— Значит, тридцать дней.

— Значит, тридцать дней.

— Тогда раздадим все подарки, найдём, что бабушка хотела мне сказать, и я уеду.

— Звучит просто.

— Так и задумано.

За окном ветер подхватил снежную пыль и закружил её вокруг фонарей. Вера положила ладонь на альбом.

На последней странице под фотографиями было написано ещё одно предложение, которого она раньше не заметила: «Некоторые подарки приходят не тогда, когда их ждёшь, а когда наконец можешь открыть».

Она прочитала вслух.

Кирилл стоял рядом, слишком близко для случайности и слишком далеко для ответа.

— Ты думаешь, это про тебя? — спросил он.

— Я думаю, что бабушка любила драматичные формулировки.

— Это тоже не ответ.

— Тогда не спрашивай.

Он отвёл взгляд. Вера снова открыла альбом и заметила, что на старой фотографии у края кадра стоит мальчик в чёрном свитере. Лицо почти не различалось, но на запястье был завязан красный шнурок.

Кирилл посмотрел на снимок и побледнел.

— Ты знаешь его? — спросила Вера.

— Нет.

Он ответил слишком быстро.

И впервые за всё время Вера поняла: в этой истории Кирилл не просто помощник. Он тоже получил приглашение — только пока не решил, готов ли его принять.

Глава 4. Чужая фотография

Кирилл ушёл, не попрощавшись. Вера не стала его догонять. Она разложила фотографии на столе и одну за другой перевернула. На обороте стояли даты, пожелания и короткие подписи бабушки.

На снимке с мальчиком было написано: «Декабрь, когда он впервые попросил остаться».

Вера посмотрела на дату. Десять лет назад.

Она помнила тот год смутно: мама работала в больнице почти без выходных, бабушка забирала её из школы, а в мастерской по вечерам собирались дети из соседних домов. Вера приходила туда рисовать открытки. Неужели Кирилл тоже был одним из них?

На следующий день он явился в мастерскую раньше неё. На этот раз без кофе.

— Ты видела фотографию, — сказал он.

— Да.

— Я был здесь в тот год.

— Почему ты сказал, что не знаешь мальчика?

— Потому что не хотел говорить об этом.

— Это не одно и то же.

— Для меня — почти.

Вера прислонилась к стойке. Он выглядел усталым, но не злым. Впервые его молчание казалось не стеной, а дверью,

которую он не знал, как открыть.

— Ты попросил остаться?

— Я попросил бабушку оставить мне место в мастерской. Мои родители тогда разводились. Отец уехал, мать собиралась переехать к сестре. Я думал, если останусь здесь, всё вернётся на место.

— А потом?

— Потом ничего не вернулось. Через месяц я уехал с матерью. Бабушка прислала мне открытку, но я не ответил.

Вера опустила взгляд на фотографию.

— Почему?

— Я злился. На неё, на отца, на себя. На всех, кто продолжал говорить, что всё будет хорошо.

— А теперь ты здесь, чтобы закрыть её мастерскую.

— Я здесь, потому что отец попросил помочь с документами. Закрытие — его решение.

— Ты всё ещё можешь сказать ему, что не хочешь.

— Могу. Но не уверен, что имею право решать за него.

— Ты не решаешь за него. Ты говоришь, что думаешь.

Кирилл коснулся фотографии пальцем, но не поднял её.

— Я не знаю, что думаю.

— Тогда начни с того, что знаешь.

Он взглянул на неё. Вера вдруг поняла, что эта фраза была бабушкиной. Она много раз слышала её в детстве, обычно когда пыталась объяснить, почему не хочет идти к доске.

— Я знаю, что не хочу снова уезжать, будто ничего не бы-

ло, — сказал Кирилл. — И знаю, что не хочу оставаться только потому, что кто-то ждёт от меня правильного решения.

— Это уже что-то.

— А ты знаешь, чего хочешь?

— Хочу поступить. Хочу рисовать. Хочу, чтобы бабушкина мастерская не превратилась в очередную кофейню с одинаковыми гирляндами.

— А если можно сохранить мастерскую и уехать?

Вера посмотрела на него. Он сказал это так буднично, будто не заметил, что только что предложил ей невозможное.

— Это не выбор из меню.

— Почему?

— Потому что у меня нет денег, чтобы содержать её на расстоянии. И потому что я не могу всю жизнь оставаться здесь из чувства вины.

— Я не предлагал оставаться.

— А я не говорила, что не хочу.

Слова повисли в воздухе. Вера первой отвела взгляд.

Они взяли следующую посылку. Подсказка вела к автобусной станции: «Для человека, который всегда приходит последним. Ему оставили место у самого дальнего стола».

Там они нашли старого диспетчера Павла Ильича. Он уходил на пенсию в январе и был уверен, что никто не заметит, когда его сменит молодой сотрудник. В коробке лежала детская деревянная машинка, которую он когда-то подарил сыну, а бабушка купила на благотворительном аукционе.

— Он никогда не приходит последним, — сказал Кирилл, когда Павел Ильич открыл коробку. — Он просто ждёт, пока все уйдут.

— Ты это откуда знаешь?

— Я ездил на последнем автобусе домой после тренировок. Он всегда оставлял свет в диспетчерской, пока я не выходил.

Павел Ильич долго держал машинку в ладони.

— Твоя бабушка однажды сказала, что людям нужно напоминать: их ждут. Я тогда решил, что она говорит о ком-то другом.

— Она часто говорила так, будто обращалась сразу ко всем, — сказала Вера.

Павел Ильич улыбнулся.

— Потому что так и было.

На станции они задержались дольше, чем планировали. Автобус в центр ушёл, следующий был через сорок минут. Вера села на скамью под навесом. Кирилл остался стоять, спрятав руки в карманы.

— Ты можешь сесть, — сказала она.

— Могу.

— Но не будешь?

— Не знаю.

— Кирилл, я не пытаюсь тебя переделать.

— А если я сам не знаю, каким хочу быть?

— Тогда можно пока просто быть уставшим парнем на ав-

тобусной остановке.

Он сел рядом. Их плечи почти соприкоснулись.

Вера достала из кармана бумажную звезду и разгладила её на колене. В свете фонаря стали видны детские буквы.

— Это твоё желание? — спросил он.

— Нашла на ёлке. Я написала его в детстве. Бабушка почему-то сохранила.

— «Хочу, чтобы мама перестала работать по ночам».

— Да.

— Ты всё ещё этого хочешь?

— Теперь я хочу, чтобы она сама выбирала, когда уставать.

— Хорошее желание.

— Ты можешь загадать своё.

— Я не загадываю.

— Это не запрещено.

— Я знаю.

Он помолчал. Снег падал на крышу остановки мягкими горстями. Где-то на площади проверяли звук колонок, и через улицу донеслась обрывочная мелодия рождественской песни.

— Я хочу, чтобы однажды мне не пришлось уезжать, — сказал он.

Вера не ответила сразу. Она поняла, что это не просьба и не признание. Просто первое желание, которое он произнёс вслух за много лет.

— Тогда, может, не уезжай, — сказала она.

— Это не так просто.

— Знаю.

— Ты всё равно собираешься уехать.

— Да.

— Значит, мы оба не умеем следовать собственным советам.

— Зато умеем их раздавать.

Он посмотрел на неё, и между ними впервые возникла настоящая улыбка — короткая, неловкая, но не притворная.

Автобус показался из снежной дымки. Вера убрала звезду в карман. Когда они поднялись, Кирилл протянул ей руку. Не чтобы помочь, а просто чтобы она не поскользнулась на ступеньке.

Его ладонь была тёплой.

Вера отпустила её раньше, чем автобус тронулся.

Глава 5. Последний сеанс

В мастерскую они вернулись уже после полудня. Вера стряхнула снег с рукавов и разложила карточки на столе. На обороте следующей было написано: «Тому, кто хранит свет даже в пустом зале. Последний сеанс начинается, когда гаснут все остальные окна».

— Кинотеатр «Маяк», — сказала она.

Кирилл замер у двери.

— Он закрыт.

— Значит, там и будем искать.

Старый кинотеатр стоял на соседней улице — невысокий, с облупившимися буквами и афишей прошлогоднего фильма за мутным стеклом. Вера бывала там ребёнком. Бабушка водила её на утренние показы, а после покупала два карамельных леденца: один себе, второй «на всякий случай», хотя Вера всегда съедала оба.

Дверь оказалась не заперта. Внутри пахло пылью, деревом и холодным железом. В маленькой будке за залом кто-то двигал стул.

— Виктор Михайлович? — позвала Вера.

Из темноты вышел невысокий седой мужчина. Он узнал её сразу, а на Кирилла посмотрел дольше.

— Андреев сын. Не видел тебя с тех пор, как ты перестал приходить на субботние показы.

— Я уехал.

— Люди часто уезжают. Вопрос в том, помнят ли они дорогу назад.

Вера передала коробку. Внутри лежала старая катушка с лентой и билет на последний сеанс перед закрытием кинотеатра — тот самый, на который Виктор Михайлович когда-то не пришёл. Записка бабушки гласила: «Ты всё ещё можешь показать им то, что они забыли».

— Я думал, это давно потеряли, — прошептал он.

Он поставил катушку на проектор и включил аппарат. Сначала на экране прыгали белые царапины. Потом появился двор мастерской: дети лепили снеговика, бабушка держала поднос с чашками, а Вера — ещё маленькая — несла над головой бумажную звезду. Камера повернулась, и в кадре показался мальчик в чёрном свитере с красным шнурком на запястье.

Кирилл не отвёл глаз.

Мальчик на экране спорил с бабушкой, потом сел на ступеньки. Она присела рядом и что-то сказала ему. Звука не было, но Вера могла представить слова: «Начни с того, что знаешь».

— Она тогда попросила меня помочь с проектором, — сказал Кирилл. — Я сломал дверцу отсека и решил, что она будет ругаться. Она только дала мне отвёртку.

— А ты потом уехал.

— Да.

Виктор Михайлович выключил аппарат. На экране осталась неподвижная белая точка.

— Вот что я хотел сохранить, — сказал он. — Не кино. Людей, которые приходили сюда вместе.

Вера посмотрела на старые кресла. Если бы мастерскую закрыли и кинотеатр продали, эта улица потеряла бы сразу два места, где люди помнили друг друга.

На обратной дороге Кирилл шёл молча. Вера не торопила его. Только когда они свернули к площади, он сказал:

— Я иногда думаю, что если вернуться, придётся снова стать тем мальчиком.

— А если можно вернуться и остаться собой?

Он посмотрел на неё.

— Ты правда думаешь, что так бывает?

— Не знаю. Но бабушка, кажется, проверяла это всю жизнь.

Их плечи соприкоснулись. На этот раз никто не отстранился.

Глава 6. Письмо без адреса

Следующая записка привела их в почтовое отделение. Там пахло мокрыми варежками и бумагой. За окошком сидела Тамара Николаевна — бывшая подруга бабушки, которая после выхода на пенсию продолжала приходить сюда помогать разбирать праздничные открытки.

«Для той, кто умеет доставлять чужие слова, но не решается отправить свои».

Тамара Николаевна сразу поняла, что коробка для неё. Внутри лежал блокнот в синей обложке, исписанный знакомым почерком. На первой странице было всего одно предложение: «Напиши письмо, которое не обязана отправлять».

— Галина знала, — сказала она.

— Что именно? — спросила Вера.

— Что я не разговариваю с сыном уже два года. Мы поругались из-за ерунды, но я решила, что он должен позвонить первым. Потом прошло слишком много времени, и каждый новый день делал первый шаг всё труднее.

Тамара Николаевна открыла блокнот и провела ладонью по бумаге.

— Я могла бы написать ему, — сказала она. — Только не знаю, что сказать.

— Напишите правду, — сказал Кирилл. — Даже если она звучит неловко.

Она взглянула на него, будто хотела спросить, кому он сам не написал. Но не спросила.

В мастерской Вера достала собственный скетчбук. На последней странице был набросок будущей зимней витрины: бумажный лес, окна с тёплым светом, крошечный город, в котором у каждого дома оставлена одна горящая свеча.

— Тебе нужно отправить работы до конца месяца? — спросил Кирилл.

— Портфолио и мотивационное письмо. Если пройду отбор, будет собеседование в январе.

— Ты ещё не отправила?

— Жду, пока станет достаточно хорошо.

— А если не станет?

— Тогда придётся отправить неидеальное.

— Звучит страшно.

— Так и есть.

Она показала ему рисунок витрины. Кирилл долго рассматривал его.

— Здесь не хватает одного окна.

— Где?

— У самой двери. Чтобы с улицы было видно, что внутри кто-то ждёт.

Вера добавила маленький квадрат света. Он оказался на месте так естественно, будто там и был с самого начала.

Вечером ей позвонила мама. Она спросила, ела ли Вера, когда вернётся и не замёрзла ли. Вера ответила на всё, кроме

последнего вопроса.

— Ты снова разговариваешь с Кириллом? — спросила мама.

— Откуда ты знаешь?

— Ты сказала его имя, когда рассказывала про мастерскую. Два раза.

Вера уставилась на экран телефона.

— Это ничего не значит.

— Я не говорила, что значит.

— Он помогает раздавать бабушкины подарки.

— Хорошо, что у тебя есть помощник.

После звонка Вера открыла ноутбук и начала письмо для художественной школы. Написала три предложения, стёрла два, потом оставила одно: «Я хочу создавать места, в которых человеку не нужно объяснять, почему он пришёл».

Кирилл прочитал его через плечо.

— Это хорошее начало.

— Ты не обязан меня поддерживать.

— Я знаю.

— И всё равно поддерживаешь?

— Пока да.

Вера продолжила печатать. За окном медленно зажигались фонари, один за другим, словно кто-то проверял, достаточно ли света для возвращения домой.

Глава 7. Ярмарка желаний

К пятнице мастерская превратилась в штаб зимней ярмарки. Вера придумала провести открытый вечер: каждый мог сделать бумажный подарок, написать желание и повесить его на маленькую ёлку у окна. Кирилл починил старые столы и соорудил полки для детских работ. На двери они повесили табличку: «Вход свободный. Гирлянды иногда спорят».

Первым пришёл мальчик лет семи, который хотел нарисовать подарок для старшей сестры. Потом заглянула Марина Павловна с корзиной булочек. За ней — Лидия Аркадьевна, принесшая две чашки в коробке: дочь приехала на выходные и уже обещала встретить Новый год вместе.

— Никакой магии, — шепнула Вера Кириллу, когда они расставляли угощения.

— Просто люди позвонили друг другу.

— Вот именно.

Он повесил над дверью бумажную звезду, которую Вера вырезала утром. Она стояла на стуле и придерживала край, когда тот качнулся. Кирилл поймал её за талию, не дав упасть.

На несколько секунд они замерли. Его ладонь лежала у неё на боку поверх свитера, а её пальцы сжимали его плечо. Вера услышала, как за спиной шумят гости, но весь этот звук

отодвинулся куда-то далеко.

— Ты в порядке? — спросил он.

— Да.

Он отпустил её не сразу.

— Стул шатается, — сказал он.

— Конечно. Это стул виноват.

Вечер получился шумным и тёплым. Дети вырезали снежинки, взрослые спорили, можно ли считать мандарин полноценным ужином, а Виктор Михайлович принёс старый проектор и показывал на стене короткие зимние кадры. Люди узнавали себя моложе, смеялись и звали друг друга поближе.

Кирилл почти не улыбался, но весь вечер оставался рядом с проектором. Когда на экране появился мальчик с красным шнурком, он не отвернулся. Вера заметила, как он расправил плечи, словно перестал прятать от себя собственную память.

В конце каждый повесил на ёлку бумажное желание. Вера написала: «Хочу не бояться, что выбор одного пути закроет все остальные». Она сложила бумагу так, чтобы никто не смог прочитать.

Кирилл повесил свою звезду рядом. Вера заметила, что он не написал ни слова — только нарисовал маленькое окно с горящим светом.

Когда гости разошлись, они убирали столы вдвоём. Снег за окном стал гуще, и в мастерской осталось только золотое сияние гирлянд.

— Сегодня было хорошо, — сказала Вера.

— Да.

— Смотри, целое предложение.

— Не привыкай.

Она улыбнулась. Кирилл снял с её волос крошечную бумажную снежинку.

— У тебя тут.

— Оставь. Мне идёт.

— Она закрывает глаз.

— Тогда оставь, чтобы я не видела, как ты опять хмуришься.

Он посмотрел на неё, и в его взгляде исчезла привычная осторожность. Вера почти поднялась на носки, но в дверь постучали.

На пороге стоял Андрей Сергеевич, отец Кирилла. Он оглядел украшенную мастерскую, детские рисунки и два неубранных стакана.

— Нам надо поговорить, — сказал он сыну.

Кирилл шагнул вперёд.

— Сейчас?

— Сейчас.

Вера поняла, что праздничный вечер закончился. Но бумажные звёзды всё ещё тихо шевелились от сквозняка, и ни одна из них не упала.

Глава 8. Разговор за закрытой дверью

Андрей Сергеевич попросил Веру оставить их одних. Она вышла на крыльцо, но дверь закрылась неплотно, и голоса всё равно пробивались наружу.

— Ты обещал помочь с документами, — сказал отец.

— Я помогаю.

— Тогда подпиши согласие на освобождение помещения.

Вера перестала дышать.

— Я ещё не готов, — ответил Кирилл.

— Ты знал, что мастерскую закроют. Это не новость.

— Я знаю.

— Зачем тогда устраиваешь здесь мероприятия?

— Потому что люди хотят, чтобы она осталась.

— Люди хотят многое. А платить за ремонт кто будет?

Слова стихли. Вера сжала рукава пальто. Она понимала, что подслушивать некрасиво, но уйти сейчас значило сделать вид, будто разговор не касается её.

Дверь распахнулась. Кирилл вышел один.

— Он уехал? — спросила Вера.

— Да.

— Ты подпишешь?

— Нет.

— Почему не сказал ему это раньше?

— Потому что хотел сначала придумать, что предложить вместо отказа.

— А мне почему не сказал?

— Не хотел обещать того, чего не могу выполнить.

— Ты всё время решаешь, что мне можно знать.

Кирилл посмотрел на неё. Его лицо снова стало закрытым.

— Я не хотел втягивать тебя в спор с отцом.

— Я уже в нём. Это моя мастерская.

— Я знаю.

— Тогда перестань вести себя так, будто я здесь временная гостья.

Он ничего не ответил. Вера прошла мимо него в мастерскую, убрала со стола листы с эскизами и сложила их в папку. На одном из планов заметила карандашные пометки: размеры окон, состояние крыши, перечень работ. Это был не план сноса. Это был план ремонта.

— Ты сам его составил? — спросила она.

— Да.

— И почему он у тебя?

— Я хотел показать отцу. Если мы найдём деньги, помещение можно сохранить хотя бы на год и открыть здесь мастерскую для занятий.

— «Мы» — это кто?

— Я, ты, все, кто приходил сегодня. Но это пока только

идея.

Вера не знала, что чувствовать. Ей хотелось обрадоваться, но она слишком хорошо помнила его слова о закрытии после Нового года.

— Ты мог просто сказать.

— Мог.

— Но не сказал.

— Да.

Его честность не исправляла молчание. Иногда прямой ответ только показывал, сколько всего человек не сделал.

— Я не хочу быть частью твоего проекта, если ты сам не решил, чего хочешь, — сказала Вера.

— Я не просил тебя им быть.

— Ты просишь меня каждый день. Просто не словами.

Она взяла пальто.

— Куда ты?

— Домой. Мне нужно закончить портфолио.

— Вера…

Она остановилась у двери, но не обернулась.

— Я не злюсь, что ты сомневаешься. Я злюсь, что ты прячешь сомнения за молчанием и называешь это заботой.

На улице снег уже перестал. Вера шла к остановке и думала о плане ремонта. Он был аккуратным, подробным и явно сделанным не за один вечер. Кирилл давно пытался придумать способ сохранить мастерскую. Но даже это не меняло главного: она не могла строить своё решение на чужой на-

дежде.

Дома она открыла письмо в художественную школу и закончила его за час. Потом отсканировала рисунки, выбрала шесть и прикрепила к заявке.

Кнопка «Отправить» казалась слишком простой для решения, которого она боялась несколько месяцев.

Вера нажала.

Подтверждение пришло почти сразу. Её пригласили на собеседование в январе.

Она перечитала сообщение и почувствовала не радость, а облегчение. Теперь будущее хотя бы перестало быть пустым листом.

Телефон завибрировал. Кирилл написал: «Ты отправила работы?»

Вера долго смотрела на экран, затем ответила: «Да».

Он прислал: «Хорошо».

Она хотела спросить, что будет с мастерской, но не стала. Сегодня она впервые выбрала что-то для себя, не дожидаясь чужого разрешения.

Глава 9. Снег между нами

Утром Вера вернулась в мастерскую за альбомом. Кирилла там не было. На столе лежала коробка с подарками и записка от Тамары Николаевны: сын позвонил ей сам, и они договорились встретиться в воскресенье.

Вера улыбнулась. Значит, иногда первый шаг действительно находился сам. Иногда его всё-таки приходилось сделать.

Она взяла следующую карточку. «Для того, кто всё время чинит чужие вещи, чтобы не трогать свои». Подсказка указывала на старую мастерскую часовщика — закрытую лавку на углу, где теперь жил отец Кирилла.

Андрей Сергеевич открыл ей дверь. Он выглядел удивлённым, но не неприветливым.

— Кирилл на стройке, — сказал он. — Если ты его ищешь.

— Я ищу получателя подарка.

В коробке лежали наручные часы с треснувшим стеклом и письмо от бабушки. Андрей Сергеевич взял часы в руки и долго рассматривал ремешок.

— Галина попросила меня починить их лет пять назад, — сказал он. — Я обещал и забыл.

— Это часы Кирилла?

— Мои. Он подарил их мне на день рождения, когда был

ребёнком. Купил на свои карманные деньги. Я носил их, пока стекло не треснуло.

Он открыл письмо. Вера не читала через плечо. Андрей Сергеевич молча дочитал, потом положил часы на стол.

— Там написано, что я слишком часто чиню вещи, которые можно заменить, и слишком редко говорю людям, что они мне дороги.

— Похоже на бабушку.

— Она умела попадать точно.

Он взял телефон и позвонил сыну. Разговор был коротким и неловким. «Я нашёл твои планы». Пауза. «Нет, не сноса». Ещё пауза. «Приезжай вечером».

Когда Вера вышла, Кирилл уже ждал у калитки. Видимо, отец предупредил его.

— Ты отправила портфолио, — сказал он.

— Да.

— Я рад.

— Хорошо.

— Я хотел сказать это вчера.

— Но не сказал.

— Да.

Они пошли по улице, не решая куда. Вера рассказала про письмо Тамары Николаевны и про часы. Кирилл слушал, не перебивая.

— Отец позвонил мне, — сказал он. — Он хочет посмотреть план вместе. Не обещает оставить мастерскую, но готов

обсудить аренду и ремонт.

— Это уже лучше, чем ничего.

— Я должен был рассказать тебе раньше.

— Да.

— Прости.

Вера посмотрела на него. Он произнёс это без оправданий, и от этого простое слово прозвучало весомее.

— Я не хочу, чтобы ты оставался здесь ради меня, — сказала она.

— Я и не собираюсь.

— И не хочу, чтобы ты уехал назло отцу.

— Я тоже.

— Тогда чего ты хочешь?

Кирилл остановился у моста. Под ними тёмная вода медленно несла снежную крошку.

— Пока не знаю. Но хочу узнать здесь.

— Это ответ?

— Самый честный из тех, что у меня есть.

Вера кивнула. Между ними ещё оставались обиды и недосказанность, но теперь это было расстояние, которое можно пройти, а не стена.

Он протянул руку. Вера вложила в неё свою ладонь. На этот раз она не отпустила сразу.

— Ты замёрзла, — сказал он.

— Немного.

— У тебя холодные пальцы.

— А у тебя тёплые. Это удобно.

— Для чего?

— Для зимы.

Он наклонился ближе. Вера видела, как снег тает на его ресницах. Их губы почти встретились, но где-то за спиной резко хлопнула дверь машины.

Они отстранились. Кирилл выдохнул и усмехнулся без веселья.

— Похоже, декабрь против нас.

— Или просто напоминает, что у нас ещё есть время.

На обратном пути они шли рядом, не держась за руки. Но теперь каждый раз, когда их рукава соприкасались, Вера чувствовала это как обещание.

Глава 10. Посылка для Веры

К десятому декабря на полке осталось четыре свёртка. Вера уже не считала их загадками. Каждый подарок открывал маленькую дверь в чью-то жизнь, и за ней оказывался не готовый ответ, а возможность начать разговор.

В этот вечер Кирилл принёс из кладовой ещё одну коробку. Она была меньше первой, обёрнута в бумагу с серебряными звёздами и перевязана розовой лентой. На крышке бабушка написала: «Вере. Открыть, когда она отправит портфолио».

— Ты знал, что она там? — спросила Вера.

— Нет. Я нашёл её за старой швейной машиной.

Она провела пальцем по надписи. Бабушка приготовила этот подарок заранее, будто была уверена, что Вера всё-таки решится подать документы.

Внутри лежал новый скетчбук, набор тонких кистей и пачка плотной бумаги. Под ними — письмо.

«Вера. Я не знаю, куда ты уедешь и вернёшься ли. Это не должно быть главным вопросом. Я хочу, чтобы у тебя было место, где ты можешь думать, ошибаться и начинать сначала. Если мастерская останется, пусть она будет таким местом для тебя и для других. Если не останется — возьми с собой то, что умеешь делать. Дом помещается не только в стенах».

Вера дочитала и прижала письмо к груди.

— Она знала, что я уеду?

— Может быть, надеялась, что ты выберешь сама, — сказал Кирилл.

Внизу коробки лежал сложенный лист с планом мастерской. Не планом ремонта — рисунок. Бабушка изобразила комнату такой, какой хотела её видеть: длинный стол, полки с материалами, большое окно и маленькая дверь в соседний зал. На стене была подпись: «Для тех, кто пока не знает, что умеет».

Кирилл развернул лист.

— Это можно показать отцу.

— Можно. Но я не хочу, чтобы подарок превращался в обязанность остаться.

— Не превращу.

— И не хочу, чтобы ты оставался из-за меня.

— Я не из-за тебя. Я из-за того, что теперь помню, зачем сюда возвращался.

Он сказал это тихо, но впервые — без колебания.

Вера подняла глаза. Между ними стояли коробка, письмо и все слова, которые они не успели сказать за эти дни.

— А если я всё-таки уеду?

— Тогда я буду рад, что ты поехала.

— А если я вернусь?

— Я буду рад, что ты вернулась.

— Это очень удобный ответ.

— Я долго его готовил.

Вера рассмеялась, и напряжение наконец отпустило плечи. Кирилл коснулся её щеки — осторожно, словно спрашивал разрешения. Она не отстранилась.

Поцелуй вышел коротким и немного неловким. Вера почувствовала вкус зимнего воздуха и шоколада, который он принёс в термосе. Когда они разомкнули губы, Кирилл не стал сразу говорить. Она тоже.

За окном падал снег. На витрине отражались их силуэты и гирлянда, которую Вера починила сама. Тёплый свет ложился на серебряную бумагу, на бабушкино письмо и на открытый скетчбук.

— Это и есть подарок? — спросил Кирилл.

— Нет. Это только возможность его найти.

— А что тогда подарок?

Вера посмотрела на него и подумала, что ответ пока не должен быть окончательным.

— Наверное, человек, который помогает тебе не бояться открыть коробку.

Кирилл улыбнулся — уже не почти.

На полке остались четыре свёртка. До Нового года было двадцать дней, до собеседования — месяц, а договор о мастерской ещё никто не подписал.

Но теперь у Веры был новый скетчбук, заявка в художественную школу и человек рядом, которому она не собиралась обещать простых ответов.

Для начала этого было достаточно.

Глава 11. Последний автобус

Наутро после поцелуя Вера проснулась раньше будильника и обнаружила, что улыбается потолку. Она тут же перестала. Улыбка показалась уликой, а улик в её жизни и без того накопилось достаточно: четыре неразданных свёртка, незаконченный эскиз мастерской и сообщение от Кирилла, которое она перечитала уже трижды.

«Доброе утро. Я не умею писать что-то красивое в сообщениях, поэтому просто спрошу: ты сегодня будешь в мастерской?»

Вера ответила: «Буду. Это было почти красиво».

Он прислал точку. Она решила, что это его вариант смущения.

Первую оставшуюся карточку они раскрыли уже за столом. «Тому, кто каждый вечер возвращает домой тех, кто задержался». Подсказка привела их на конечную остановку, где снег сдувало ветром в длинные белые полосы. Там стоял автобус с запотевшими стёклами, а водитель пил чай из крышки термоса.

Павел Иванович узнал Веру и сразу нахмурился.

— Если опять про то, чтобы я пришёл на собрание жильцов, я уже сказал: после смены я никуда не пойду.

— А если не про собрание? — спросила Вера.

В коробке лежала старая гармошка, вычищенная и почи-

ненная, и фотография: молодой Павел Иванович играет на школьной сцене, а рядом стоит девочка с большими бантами. На обороте бабушка написала: «Ты обещал дочери, что однажды доиграешь эту песню».

Павел долго не поднимал глаз.

— Это Лена. Она давно живёт в другом городе.

— Может, ей будет приятно услышать, — сказал Кирилл.

— Вы оба думаете, что всё просто. Позвонил — и всё. А если она не возьмёт трубку?

Вера посмотрела на пустую остановку, на автобус, за окнами которого тихо ждали люди.

— Тогда вы хотя бы перестанете каждый вечер придумывать, что бы сказали, если бы она взяла.

Павел не ответил. Но когда автобус тронулся, гармошка лежала у него на коленях, а телефон — в руке.

На обратном пути Кирилл остановился у киоска и купил два пряника.

— Это теперь у нас свидания такие? — спросила Вера.

— Мы стояли на остановке.

— Очень романтично. Особенно часть, где ветер пытался унести мне шарф.

Кирилл помолчал.

— Я хотел бы увидеться с тобой ещё раз. Когда не будет коробок, остановок и чужих семейных историй.

Вера спрятала улыбку в воротник.

— Сначала разберёмся с четырьмя свёртками. Потом по-

смотрим, умеешь ли ты разговаривать без повода.

— Это звучит сложнее.

— Значит, будет интересно.

Глава 12. Сцена для одного зрителя

Павел Иванович позвонил дочери поздно вечером. Вера узнала об этом от него самого: он пришёл в мастерскую на следующий день, оставил на пороге пакет с мандаринами и сказал, что Лена ответила. Они не поговорили долго, но договорились созвониться на Рождество.

— Я сыграл ей начало, — сказал он. — Она сказала, что помнит мелодию.

Он смутился, словно признался в чём-то постыдном, и быстро ушёл. Вера записала на обороте карточки дату звонка. Бабушка наверняка сделала бы то же самое.

Следующий подарок был для человека, который «готовит праздник для всех, кроме себя». Подсказка вела в актовый зал музыкальной школы, где Вера нашла Соню — ученицу одиннадцатого класса, волонтёра городского концерта. Она в одиночестве развешивала бумажные снежинки, забираясь на стремянку.

— Это тебе, — сказала Вера.

— Почему мне? Я всего лишь помогаю.

— В записке так написано.

Соня открыла свёрток и достала маленький деревянный дирижёрский жезл. На ручке были вырезаны её инициалы. К нему прилагалась записка: «Ты всё время отдаёшь сцену другим. Однажды выйди на неё сама».

Соня побледнела.

— Я не выступаю.

— А хотелось бы?

— Раньше. Я пела. Потом на прослушивании забыла слова. Все смотрели, а я просто стояла и открывала рот.

Кирилл прислонился к стене.

— Это было давно?

— В прошлом году.

— Значит, ты год наказываешь себя за одну минуту, — сказала Вера.

Соня нахмурилась, но не возразила.

Оказалось, бабушка когда-то слышала её в школьном хоре и сохранила аудиозапись. Вера нашла файл на старом диктофоне среди вещей мастерской. Соня включила его, и зал наполнился её тонким, чистым голосом. Она слушала, не двигаясь.

— Я не помню, что пела так, — прошептала она.

— Память иногда хранит только провал, — ответила Вера. — А остальное приходится искать у других.

Соня согласилась выступить на ярмарке — не соло, а вместе с хором. Она попросила Веру оставить жезл ей до репетиции, будто предмет мог передумать.

Кирилл проводил Веру до мастерской. На перекрёстке он взял её за руку, но сразу ослабил пальцы.

— Так можно? — спросил он.

— Можно было спросить до того, как взял.

Он отпустил её.

Вера через секунду сама переплела их пальцы.

— Теперь можно.

Кирилл посмотрел на их руки и чуть заметно улыбнулся. Вера вдруг поняла, что ей нравится не сам поцелуй, а то, как осторожно он учится быть рядом.

Глава 13. Круг по льду

К середине месяца снег покрыл город ровным слоем, и каждый утренний след казался временной подписью. В мастерской пахло горячим клеем и апельсиновой цедрой: Вера готовила украшения для ярмарки, а Кирилл заносил дрова из сарая, потому что отопление снова капризничало.

Карточка третьего подарка гласила: «Тому, кто когда-то учил держать равновесие, а теперь сам боится выйти на лёд». Подсказка привела их к катку у школы. Вдоль борта мальчишки гоняли шайбу, а на скамейке сидел невысокий мужчина в старом пуховике. Его звали Борис Павлович; когда-то он тренировал половину городских фигуристов.

В коробке лежали детские коньки с красными шнурками и старая фотография: Борис Павлович стоит на льду среди ребят, одной рукой придерживая совсем маленькую девочку. На обороте бабушка написала: «Ты научил их падать и вставать. Не забывай, что сам тоже можешь начать сначала».

Он долго рассматривал снимок.

— После того случая я больше не выходил на лёд, — сказал он. — Один мальчик упал и сломал руку. Его родители решили, что виноват я. Я и сам так решил.

— А он? — спросила Вера.

— Через год вернулся на каток. Теперь играет в хоккей. А я всё ещё сижу здесь.

Кирилл протянул ему коньки. Борис Павлович потрогал шнурки, словно проверяя не кожу, а собственное решение.

— Я не обещаю, что буду тренировать, — сказал он.

— И не надо, — ответила Вера. — Просто выйдите на лёд, если захотите.

Через несколько минут он уже медленно скользил вдоль борта. Дети заметили его и начали просить показать, как правильно поворачивать. Борис Павлович сперва отмахнулся, потом всё-таки объяснил. Один мальчик тут же упал. Тренер присел рядом, помог ему подняться, и они оба рассмеялись.

На обратном пути Кирилл признался, что в детстве тоже учился кататься у Бориса Павловича, но бросил после переезда.

— Ты вообще много чего бросил, — сказала Вера.

— Похоже, декабрь решил составить список.

— Тогда в январе начнёшь вычёркивать.

Кирилл посмотрел на неё, и между ними снова стало тихо и просто. Не навсегда, не без вопросов — просто достаточно, чтобы идти рядом.

Глава 14. Ключ от мастерской

Последний из четырёх свёртков оказался тяжелее остальных. Внутри что-то постукивало о стенки коробки. На карточке было написано: «Тому, кто хранит ключи от мест, которых больше нет». Подсказка вела к старому дому на окраине, где жил бывший плотник Семён Аркадьевич.

Он встретил их в валенках и с недоверием.

— Если это опять про городской совет, я уже всё сказал. Мастерскую нельзя сохранить одним желанием.

— Мы принесли не желание, — ответила Вера.

В коробке лежали латунный ключ, миниатюрный деревянный домик и чертёж. Семён Аркадьевич сразу узнал ключ. Он открывал боковую дверь мастерской, когда здание принадлежало его отцу. На чертеже были отмечены старые балки, вентиляционные каналы и небольшая пристройка, которую давно считали самовольной.

— Это мой проект, — сказал он. — Я чертил его для Галины. Она хотела расширить мастерскую, сделать там класс для детей. Но денег не хватило.

— А пристройка законная? — спросил Кирилл.

— Законная. Только в новых бумагах её почему-то не указали. Если отнести этот план в администрацию, его должны учесть при оценке здания.

Вера почувствовала, как внутри что-то сдвинулось. До

этого сохранение мастерской было желанием, которое все старались не называть вслух. Теперь у него появились размеры, подписи и конкретный документ.

Семён Аркадьевич разрешил им забрать копию. Оригинал он хотел оставить у себя до разговора с городским архитектором.

— Я не обещаю, что получится, — сказал он.

— Нам уже хватает обещаний, — ответила Вера. — Помогите фактами.

Он рассмеялся и пообещал позвонить знакомому специалисту.

В мастерской Кирилл разложил чертёж на полу. Они измерили стены, окна и проход к соседнему залу. Снаружи было уже темно, а гирлянда отражалась в стекле длинной золотой линией.

— Если использовать зал как студию, здесь поместятся два больших стола, — сказала Вера. — А у окна можно поставить полки для работ.

— Ты уже придумала, как это будет выглядеть.

— Я художник. Я сначала придумываю, потом боюсь, потом всё равно рисую.

Кирилл присел рядом, рассматривая набросок.

— А если после собеседования ты уедешь?

— Тогда это всё равно будет мой рисунок.

— Понимаю.

— Правда?

Он кивнул.

— Я привык думать, что если что-то не останется навсегда, то лучше не начинать. Похоже, это не очень хороший способ жить.

Вера коснулась его плеча.

— Хорошо, что ты заметил до того, как стал совсем старым.

— Мне двадцать.

— Вот именно. Ещё есть время.

Глава 15. Бумажный город

Через два дня мастерская превратилась в штаб. На стене Вера закрепила большой лист и нарисовала план: «Что нужно мастерской». Рядом Кирилл записывал цифры, Семён Аркадьевич прислал копии чертежей, а Тамара Николаевна обзванивала знакомых, которые могли помочь с оценкой ремонта.

На первом собрании пришло девять человек. На втором — пятнадцать. На третьем стульев не хватило, и люди сидели на коробках с лентами.

Вера объясняла, что они не просят сохранить помещение навсегда. Сначала нужно добиться отсрочки и независимой проверки здания, потом собрать смету и найти тех, кто готов проводить здесь занятия. Её голос сначала дрожал, но постепенно слова стали звучать увереннее.

— Почему ты не сказала раньше, что умеешь выступать? — спросил Кирилл, когда собрание закончилось.

— Я не умею. Я просто очень хочу, чтобы меня услышали.

Он помог убрать стулья. На столе остался один бумажный макет мастерской, который Вера вырезала из коробки. Кирилл сложил его в карман пальто.

— Эй. Это моя модель.

— Я верну.

— Когда?

— Когда здесь появится настоящая дверь в соседний зал.

Вера засмеялась. Смех оборвался, когда в мастерскую вошла женщина из городской администрации. Она передала уведомление: помещение должны освободить до пятого января, потому что на следующий день запланирован осмотр здания перед ремонтом квартала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.